

Е. В. Хатанзейская

Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг.

*Хатанзейская
Елизавета
Владимировна,*
преподаватель
истории, филиал
Северного
Арктического
федерального
университета
(Северодвинск,
Россия)

Историю каторги и ссылки в Советском Союзе начали изучать за рубежом. Одной из первых аналитических работ, посвященных этой проблеме, стала книга Д. Ю. Даллина и Б. И. Николаевского¹, на страницах которой была предпринята первая попытка комплексного исследования принудительного труда в СССР. В 1970 г. Д. Ю. Даллин совместно с Дж. Бреслауэром² выпустил монографию, посвященную вопросам взаимосвязи политики террора и экономической жизни СССР на основе доступных на Западе сведений (воспоминаний узников, материалов прессы) о системе трудовых лагерей и спецпоселений НКВД. Р. Конквест³ и Р. Пауэл⁴ изучали проблемы взаимосвязи эволюции режима и процессов принудительной колонизации. Осмысление политики террора как части функционирования советской системы сквозь призму экономической истории СССР на материалах советских архивов предпринял П. Р. Грегори⁵.

Благодаря серии печатных публикаций «Истории сталинизма» российскому читателю становятся доступны новые исследования, посвященные таким темам, как сталинские спецпоселения и экономика принудительного труда в СССР. Важнейшим вкладом в изучение проблем репрессий в отношении различных групп населения, депортаций

и применения принудительного труда в СССР стала публикация документов Государственного архива РФ⁶.

Комплексное исследование процесса спецколониализации Северного края, как проявление политики ускоренной модернизации и этатизма, результатом которой стали экологический, демографический, антропологический кризис, представляет собой книга В. И. Коротаяева «Русский Север в конце XIX — первой трети XX вв.»⁷. Две другие его работы посвящены непосредственно демографическим проблемам во взаимосвязи с процессами индустриализации и спецколониализации⁸.

Проблемам высылки и ссылки посвящено несколько региональных сборников научных статей⁹. Достаточно взвешенный взгляд на колонизацию Севера сквозь призму политики регионализма СССР в конце 1920–1930-е гг. представлен в монографии С. И. Шубина¹⁰.

Процесс становления, развития и распада системы ГУЛАГа и его экономической деятельности на Европейском Севере России подвергся системному анализу в работах Н. В. Упадышева¹¹.

Хронологические рамки статьи охватывают период существования административной единицы Северный край (1929–1936), которая включала в себя Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии, автономную область Коми, Ненецкий национальный округ, и являлась фокусом колониационной политики Севера СССР, «ведущим лесопромышленным комбинатом страны»¹², столицей которого с 1929 г. являлся Архангельск.

В 1929 г. Архангельск представлял собой крупнейший центр лесопильной промышленности СССР, которая по-прежнему зависела от импорта техники¹³. В 1929 г. для подготовки кадров лесной отрасли открылся Архангельский Лесотехнический институт. В 1930-е гг. началась реконструкция дореволюционных лесопильных предприятий и возведение новых. На 1938–1939 гг. в Архангельске было 23 крупных лесозавода. В 1936 г. было развернуто строительство двух мощных целлюлозно-бумажных комбинатов союзного значения. В 1936 г. началось строительство крупнейшего на Севере судостроительного завода (пос. Судострой, с 1936 г. — г. Молотовск). Под Архангельском создан был Судоремонтный завод. В 1938 г. в городе действовало 25 электростанций (вместо двух на 1929 г.). В черте города было несколько предприятий легкой и пищевой промышленности (хлебозавод, молокозавод, мясокомбинат, пивоваренный и ликероводочный заводы, водорослевый комбинат, трикотажная фабрика и т. д.). На июль 1937 г. на предприятиях и стройках г. Архангельска было занято 98 тыс. рабочих¹⁴. На 1 января 1939 г. в городе работало 326 промышленных предприятий союзного, республиканского и местного подчинения¹⁵.

Архангельский порт являлся базой для научно-исследовательского изучения Арктики, экспедиций по освоению побережья Белого, Баренцева, Печорского, Карского морей и островов Северного Ледовитого океана. Деятельность города как важного индустриально-промышленного центра обеспечивал ряд научно-исследовательских учреждений. В мае 1931 г. был создан Северный научно-исследовательский институт электрификации лесной промышленности, в 1933 г. — Водорослевый научно-исследовательский институт¹⁶. В 1930-е гг.

в городе функционировали Северная база Академии наук, Северная научно-исследовательская биологическая станция¹⁷.

С 1929 г. город на десятилетие стал центром миграционных процессов: его население с 1929 по 1939 гг. увеличилось с 89 тыс.¹⁸ до 281,1 тыс. чел.¹⁹ Рост промышленности, строительство новых предприятий привлекали население не только близлежащих, но и удаленных аграрных районов СССР.

Традиционно прибывающие в Архангельск на заработки крестьяне-сезонники составляли значительную часть неквалифицированной рабочей силы архангельских лесозаводов, равно как крестьяне, бежавшие из разоренных коллективизацией деревень. Данная группа жителей города преобладала в основном среди выходцев из Северного края (40,8% среди всего прибывающего населения в 1930 г.)²⁰.

В результате политики социальной дискриминации и систематических «чисток» населения крупных городов, население Архангельска пополнилось за счет жителей Москвы (2,2% от всех прибывших на июль 1930 г.²¹) и Ленинграда (3,4%²²), многие из которых были ценными специалистами. В Архангельской ссылке оказались известный хирург В. Ф. Войно-Ясенецкий, профессор медицины и основатель гинекологической клиники на базе кафедры Архангельского медицинского института В. В. Преображенский, знаменитый физик и изобретатель телевидения Б. Л. Розинг; историк, краевед, археолог В. И. Смирнов; востоковед И. И. Умняков; историк Б. М. Зубакин; писатель О. В. Волков и др. Благодаря их знаниям, опыту и труду, на Севере развивались местные научные школы, формировались кафедры, клиники, лаборатории высших учебных заведений, строились промышленные предприятия и объекты оборонного значения.

Официально существовал запрет на использование труда специалистов из числа ссыльных; периодически выходили директивы центральной и местной властей, запрещающие на советских предприятиях труд «социально-чуждых элементов»²³. Но необходимость выполнения производственных планов диктовала свои условия. Согласно статистическим данным Севкрайкома на 1929 г., квалифицированных кадров во всех социально-культурных и хозяйственных отраслях край имел около 5 тыс., тогда как для выполнения задач пятилетки необходимо было минимум 14 тыс. квалифицированных кадров²⁴.

В составе аппарата треста «Северолес» в 1929 г. из 350 служащих 74 были «чуждого социального происхождения», то есть «бывшие белые офицеры и чиновники, крупные лесопромышленники и лица, проходившие по связям с заграницей»; «комиссией по чистке» были сняты 40 должностных лиц²⁵.

В первой половине 1930-х гг. в городе проживали сотни ссыльных специалистов различных направлений деятельности. Типичным примером судеб представителей административно-ссыльной интеллигенции были сотрудники Архангельского водорослевого института — О. В. Казанцев и Л. Н. Ельнин. Первый по социальному происхождению был дворянин, сын полковника, выслан в Архангельск в 1929 г. по ст. 58, в 1933 г. вторично арестован и получил три года лагерей по ст. 58. Освободившись, устроился научным сотрудником в Архангельский водорослевый институт. Вторым был казак, выслан в Архангельск по ст. 58, как и их коллега, П. Н. Курочкин²⁶.

В первой половине 1930-х гг. численность ссыльных в организациях города увеличивается. Если в 1929–1930 гг. таковых было несколько сотен, то на 25 декабря 1934 г. по г. Архангельску было выявлено 4265 ссыльных, из которых здоровые безработные составляли 100 чел.; больные безработные — 54, домработницы — 24, няни — 96, домохозяйки — 7, кустари-одиночки — 28. Остальные работали в различных организациях города. Так, в Архангельском Лесотехническом институте работал 81 специалист из ссыльных; в организации «Архдорстрой» — 44; «Ремстройбюро» — 66, конторе по осушке города — 78, городской больнице — 61, тресте «Северолес» — 211, Доме связи — 39, Северном морском флоте — 33 чел., Архангельской государственной железной дороге — 73, городском театре — 27. Лидировал по количеству административно-ссыльных в штате Архангельский торговый порт — 221 чел., хозяйственные подразделения НКВД — 221, и Севкрайкоммунжилстрой — 290. Многие из них работали в медицине, занимались преподавательской деятельностью, устраивались на промышленные предприятия, нередко занимая руководящие должности²⁷. Значительное число специалистов «старой школы» как из числа ссыльных, так и местной интеллигенции пострадали в годы террора 1936–1938 гг., когда в Архангельске проходили громкие процессы «вредительства»²⁸.

Настоящую трагедию представляла собой депортация на Север крестьянства. С зимы 1929–1930 гг. начинаются систематические мероприятия по «ликвидации кулачества как класса». По приказу ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. мероприятия органов НКВД предполагали массовое выселение «кулаков, церковников и сектантов» и их семей в отдаленные Северные районы СССР с конфискацией имущества. Арестованные по этому приказу люди концентрировались в окружных и областных отделах ОГПУ, в концлагерях и пересыльных пунктах²⁹.

Зимой 1929/30 гг. в Северный край должно было прибыть до 30 тыс. «кулацкого и антисоветского элемента» со всех районов Союза, в том числе и 9 тыс. уголовников. В мае 1929 г. в Северном крае уже имелось 2256 заключенных («срочных, следственных, пересыльных»), что в 2–3 раза превышало норму содержания и вело к вспышкам инфекционных заболеваний, прежде всего в Архангельске³⁰.

31 января 1930 г. состоялось внеочередное закрытое заседание Севкрайкома ВКП (б), где решался вопрос «расселения кулачества» — в ближайшее время в Северном крае планировалось расселить 70 тыс. семей, или 350 тыс. человек³¹.

Огромные трудности в связи с переброской спецконтингента в Северный край испытывал Архангельск. Глава Севкрайкома С. А. Бергавинов сообщал в своем письме к В. И. Молотову от 27 января 1930 г.: «С февраля в Архангельск будет пребывать ежедневно 5 эшелонов, то есть 5–7 тыс. чел., а всего 300 тыс. чел. А мы во всем Архангельском округе имеем 250 тыс. населения, и в городе 89 тыс. ... взрослых мы должны сейчас же двинуть по округу, а семьи до навигации расселить под Архангельском»³².

В соответствии с «Планом расселения кулацких хозяйств, высылаемых в Северный край», составленным С. А. Бергавиновым не позднее 27 января

1930 г., непосредственно в г. Архангельске в феврале 1930 г. предполагалось принять 45 тыс. трудоспособного населения.

Таблица 1.

Количество трудоспособного населения из числа спецпереселенцев, прибывших в феврале 1930 г. в Северный край через Архангельск³³

Наименование района	Количество эшелонов	Очередь эшелонов	Станция прибытия	Количество трудоспособного населения	Расстояние от ст. прибытия до конечной
Архангельский округ					
Приморский	6	2	Архангельск	2000	350
Мезенский	34	4	Архангельск	12 000	700
Пинежский	23	6	Архангельск	8000	210
Карпогорский	14	7	Архангельск	5000	310
Лешуконский	14	9	Архангельск	5000	450
Ненецкий округ					
Ненецкий округ	23	11	Архангельск	8000	1300
Коми-область					
Усть-Цильмский	8	10	Архангельск	3000	900
Ижмо-Печерский	6	12	Архангельск	2000	1100

Всего высланного на Север трудоспособного населения на данном этапе насчитывалось 70 тыс. человек (200 эшелонов)³⁴. Расселить прибывающий спецконтингент решено было в церквях и монастырях города, а также в окрестных селах. Семьи расселяемых в бараках предполагалось обеспечить продовольствием «по голодной норме» на 4 месяца 1930 г.³⁵

Численность членов семей спецпереселенцев, которые должны были, прибывая в Архангельск, в большинстве своем размещаться здесь до навигации, была определена С. А. Бергавиновым в 185 тыс. чел. Всего на данном этапе в Северный край планировалось направить 280 тыс. человек — членов семей спецпереселенцев³⁶.

Таблица 2.
**Численность членов семей спецпереселенцев, прибывающих в Северный край
 в феврале 1930 г. через Архангельск³⁷**

Станция прибытия членов семей	Количество членов семей	Пункты размещения и количество размещаемых членов семей
Архангельск	8000	Размещаются в г. Архангельске, во вновь выстроенных бараках, окрестных селах и в с. Холмогоры
Архангельск	48 000	
Архангельск	32 000	
Архангельск	20 000	
Архангельск	20 000	
Архангельск	5000	Архангельск — 5000
Архангельск	32 000	Архангельск — 32 000
Архангельск	12 000	Архангельск — 12 000
Архангельск	8000	Архангельск — 8000

Согласно отчетам ОГПУ, на 2 мая 1930 г. в Северном крае находилась 46 261 высланная семья³⁸; 4 сентября 1930 г. туда дополнительно прибыло: «кулаков-переселенцев — 261 232, административно-ссылных — 32 396, всего — 293 628; умерло — 12 511, отправлено на родину — 36 707, на лесозаводы — 12 425. На 1 сентября 1930 г. кулаков-переселенцев — 199 589, административно-высланных — 32 396, всего — 231 985»³⁹.

По официальным данным, в 1931–1932 гг. в Северный край прибыло еще 300 тыс. спецпереселенцев. В этот период достигает пика их смертность от голода и эпидемий (51%). Несмотря на это, руководство края предполагало использовать их на лесозаготовках, на сплаве, на лесохимических промыслах, землекопных и мелиоративных работах, осушке болот, строительстве, сельскохозяйственных работах и рыбных промыслах, промышленном производстве и железнодорожном строительстве. В бараках вдоль линии железной дороги невозможно было нормальное лечение — было решено эвакуировать всех острозаразных больных в Архангельск. При этом на момент переселения, врачей, медикаментов и средств для подготовки мероприятий по борьбе с эпидемиями в распоряжении Наркомздрава не было⁴⁰.

В отчетах ОГПУ по Северному краю отмечено: «в первой половине 1930 г. в Архангельске размещено было 20 тыс. прибывших спецпереселенцев, кроме того, на лесных биржах треста Северолес — 3 тыс. Всего в приспособленных старых помещениях города и его округа должно было уместиться в 1930 г. 68 тыс. человек (17 тыс. семей)»⁴¹.

В действительности, размещено было значительно меньшее количество спецпереселенцев, чем их прибыло в город. Местные власти, ответственные за расселение, не справились с катастрофическим наплывом спецконтингента.

Воспоминания О. В. Волкова, сосланного в Архангельск в начале 1930-х гг., свидетельствуют, что большинство прибывших в город спецпереселенцев были брошены на произвол судьбы. Вырванные из привычного образа жизни, они гибли в северном городе от голода и холода, скитаясь в поисках крыши над головой. Трупы погибших спецпереселенцев можно было видеть лежащими в центре города на пристани и трамвайных рельсах⁴².

Бессмысленное переселение на Север сотен тысяч людей продолжалось. В раскулачивании северных районов абсурдность центральных постановлений соединялась с инициативой на местах. Идеологически обоснованное партией и правительством «раскулачивание превратилось в простое мародерство». Так, в письме С. Бергавинова от 8 марта 1930 г., адресованном И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу, стремящегося переложить всю вину за «перегибы» и «жертвы» на местные окружкомы, читаем: «Холмогорский район из 9% коллективизировался на 93% — результат самовольного раскулачивания с молчаливого согласия окружкома. Раскулачена значительная часть середняков. Их имущество и вещи тут же складывалось в церкви, продавалось с торгов, часы, шубы “покупали” за ничтожную сумму местные работники. В раскулаченные избы вселяли бедняков, а кулаков и середняков — в бани. Население подзапугалось, начали уходить с лесозаготовок... примеров, когда арестовывают 7–8-летних детей, когда у 6-летнего сына кулака на улице снимают валенки и отдают бедняку, когда сельсовет вызывает на соревнование по раскулачиванию другой сельсовет достаточно для необходимых выводов»⁴³.

Меры были приняты: несколько работников были исключены из партии, отданы под суд, двое расстреляны. Арестовали двух коммунистов за присвоение золотых вещей. Однако остановить стихийный процесс было невозможно. Так, секретарь сельской ячейки Приморского района на директиву окружкома о нераскулачивании написал в ответ: «Нет уж, извините! Я 12 лет ждал этого момента и никакой партбилет, никакой суд меня не остановит!»⁴⁴

В апреле 1930 г. в Северный край была направлена комиссия, призванная разобраться в ситуации со спецпереселенцами. Комиссия посетила 23 360 семей из 46 261 высланной к середине апреля 1930 г. К моменту проверки из самого Архангельска вывезли всех раскулаченных, расселив их в бараках по железной дороге; осталось около 4 тыс. больных и карантинных. Из 150 тыс. высланных спецпереселенцев в Северный край к середине апреля 1930 г., трудоспособных насчитывалось только 36 тыс., которые были отправлены на работу; остальные 122 тыс. нетрудоспособных (в основном женщины и дети) были заселены в бараки по линии железной дороги Вологда — Архангельск и Вятка — Котлас. При проверке комиссии было выявлено от 25 до 35% «неправильно раскулаченных». Среди спецпереселенцев были распространены инфекционные заболевания, особенно среди детей. По Архангельску за март и 10 дней апреля 1930 г. из 8 тыс. детей заболело и умерло 6007 человек, из них: скарлатиной — 199, корью — 1154, гриппом, воспалением легких — 4238, дифтеритом — 21, умерло детей — 587. В целом смертность среди детей к числу заболевших детей была следующая: 24% — Архангельский округ, 45,5% — по Архангельску⁴⁵.

Всего в поселках Северного края на 1 августа 1931 г. значилось 39 270 семей спецпереселенцев (132 894 чел.), в том числе в 1930 г. завезено и передано различным организациям 30 198 семей (93 281 чел.)⁴⁶.

Таблица 3.
Количество семей спецпереселенцев, завезенных на предприятия Северного края в 1930–1931 гг.

Организация	Количество семей	Количество человек
Завезено в 1930 г. на предприятия края:		
Северолес	17 615	53 472
Севбелтранслес	6 756	18 498
Комилес	4 665	17 711
Северойод	535	1 759
Севвостлес	450	1 178
Севстройматериал	177	663
Всего в 1930 г.	30 198	93 281
Завезено в 1931 г., в т.ч.:		
Севбелтранслес	2 000	8 000
Комилес	4 372	20 813
Кусторемсоюз	300	1 200
Совхоз 77 Маслотрест	400	1 600
Мосгорток	2 000	8 000
Всего по Северному краю	39 270 семей	132 894 чел.

Нормы продовольствия для содержания спецконтингента не выдерживались, в связи с чем были распространены цинготные заболевания и высокая смертность. С 1 января 1932 г. по 1 января 1934 г. численность спецпереселенцев в Северном крае сократилась на 51,5%⁴⁷.

В 1930 г. в Архангельске начался голод, продолжавшийся до второй половины 1930-х гг. и сопровождавшийся ежегодными вспышками эпидемий и высокой смертностью среди населения. На протяжении 1930-х гг. фактическое положение коренного населения города продолжало оставаться катастрофическим.

На промышленных предприятиях и строительстве спецпереселенцы и заключенные работали вместе с вольнонаемными рабочими. На декабрь

1929 г. в Архангельском отделении Северных лагерей находилось 4 тыс. заключенных. Их труд применялся на лесобиржах № 19 (956 чел.), № 23 (234 чел.), № 21 (893 чел.), в порту «Экономия» (98 чел.), на железнодорожной станции «Архангельск» (90 чел.)⁴⁸. Летом 1930 г., при угрозе срыва работ по погрузке лесозэкспорта в Архангельском порту, 3500 заключенных Северного лагеря значительно ускорили погрузку. Лагерный контингент (150 чел.) использовался в экспедиции в районе рек Печоры и Ухты для исследования месторождений угля и нефти⁴⁹. Для осушительных работ в г. Архангельске в 1932 г. ведомство ГУЛАГА выделило 600 чел.⁵⁰

К маю 1930 г. на лесозаводах Архангельска было занято 4 тыс. спецпереселенцев⁵¹. Их численность на предприятиях города с 7 мая 1930 г. по 1 февраля 1932 г. увеличилась с 4320 чел. до 9500 чел.⁵²

В начале 1932 г. в Архангельске, кроме 9,5 тыс. ссыльных «по линии ОГПУ», трудилось еще 1611 чел., без лишения свободы осужденных на принудительные работы. Так, в хозяйственном отделе ОГПУ на 15 декабря 1933 г. было задействовано 47 вольнонаемных и 755 спецпереселенцев, административно-высланных и другой «спецсилы»⁵³.

Спецпереселенцы, начиная карьеру с должности подсобных рабочих, нередко становились квалифицированными кадрами. Летом 1933 г. Севрайком ВКП (б) разрешил «во избежание дефицита квалифицированной рабочей силы возбуждать ходатайство об амнистировании работающих переселенцев»⁵⁴.

Численность спецконтингента в Архангельске и Северном крае непрерывно менялась: их число пополнялось за счет новых партий, и сокращалось в связи с высокой заболеваемостью, смертностью, значительным количеством побегов, а также процессами реабилитации и выявлением незначительной категории «неправильно раскулаченных» среди спецпереселенцев⁵⁵.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода «социальная ткань» спецконтингента не была однородной. Если в конце 1920-х гг. среди принудительно пребывающего в г. Архангельск населения численное превосходство имели административно-высланные, в первой половине 1930-х гг. — спецпереселенцы, то с расширением карательных функций режима во второй половине 1930-х гг. происходит переориентация промышленности на приоритетное использование заключенных ГУЛАГа. На 1 января 1938 г. в Архангельской области находилось 6 исправительно-трудовых лагерей с общим числом заключенных 150 тыс. чел.⁵⁶, из них 25 580 чел. находилось в двух промышленных лагерях, административно относящихся к Архангельску: завод № 402 (с 1938 г. — г. Молотовск) и Архбумстрой (пос. им. Ворошилова)⁵⁷.

Долгое время в отечественной историографии бытовало мнение, что меры экстренной контрактации рабочей силы, формирование и применение труда значительных партий спецконтингента было оправдано целями индустриализации. Современные исследования сталинской политики террора, насильственных переселений и депортаций показали экономическую бессмысленность данного предприятия — расходы на раскулачивание, содержание лагерей и спецпоселков значительно превысили доходы государства от труда их обитателей⁵⁸. Цена «индустриального рывка» была оплачена кровью многомиллионных жертв.

- ¹ *Dallin D. J., Nikolaevsky B. I.* Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947; London, 1948.
- ² *Dallin D. J., Breslauer G. W.* Political Terror in Communist Systems. Stanford, 1970.
- ³ *Conquest R.* Harvest of Sorrow: Soviet collectivization and the Terror-Famine. Oxford, 1986; The Great Terror Stalin's Purges of the Thirties. New York, 1968.
- ⁴ *Powell R.* Plan Execution and the Workability of the Soviet Planning // Journal of Comparative Economics. 1977. Vol. 1. № 1. P. 69–73.
- ⁵ *Gregory P. R.* The Political Economy of Stalinism Evidence from the Soviet Archives. Cambridge, 2004.
- ⁶ История сталинского ГУЛАГА: конец 1920х — первая половина 1950-х гг.: Собр. док-тов: В 7 т. М., 2004; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивания: 1927–1939. Док-ты и мат-лы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006.
- ⁷ *Коротяев В. И.* Русский Север в конце XIX — первой трети XX вв.: проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.
- ⁸ *Коротяев В. И.* 1) На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е гг. XX в. Архангельск, 2004; 2) Демографические проблемы и опыт их решения на Русском Севере — Северном крае во второй половине XIX — первой трети XX вв. Архангельск, 2014.
- ⁹ Каторга и ссылка на Севере России: Мат-лы междунар. науч. конф. (Архангельск, 2–5 сент. 2002 г.): В 2 т. Архангельск, 2006.
- ¹⁰ *Шубин С. И., Смирнова М. А., Трофименко В. Г.* Северный край (1929–1936) в истории России: Моногр. Архангельск, 2009.
- ¹¹ *Упадышев Н. В.* 1) ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск, 2004; 2) ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.
- ¹² *Тоцкий Н.* Вопросы районирования центра и северо-востока РСФСР // Экономическая жизнь. 1928. 11 июля.
- ¹³ Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории (далее — ГАО ОДСПИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Ф. 834. Оп. 1. Д. 577. Л. 1–2.
- ¹⁵ ГАО. Ф. 1892. Оп. 4. Д. 70. Л. 1–3.
- ¹⁶ ГАО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 421. Л. 8.
- ¹⁷ ГАО. Ф. 1892. Оп. 4. Д. 70. Л. 9 об.
- ¹⁸ Перепись населения г. Архангельска 15 июля 1930 г. Архангельск, 1931 // Рукопись из фондов Архангельской Областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова. С. 21.
- ¹⁹ ГАО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 891. Л. 1.
- ²⁰ Перепись населения г. Архангельска 15 июля 1930 г. С. 23.
- ²¹ Там же. С. 22.
- ²² Там же.
- ²³ ГАО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 19. Л. 5; Ф. 834. Оп. 1. Д. 76. Л. 6; Д. 278. Л. 6–7.
- ²⁴ Там же. Ф. 290. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 76, Л. 4.
- ²⁶ Там же. Д. 421, Л. 8.
- ²⁷ Там же. Ф. 834. Оп. 1. Д. 198. Л. 24.
- ²⁸ Там же. Д. 664, 665, 666, 667, 668.
- ²⁹ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920х — первая половина 1950-х гг.: Собр. док-тов: В 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 101.
- ³⁰ *Шубин С. И., Смирнова М. А., Трофименко В. Г.* Северный край (1929–1936) в истории России. С. 201–202.
- ³¹ ГАО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 378. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 386. Л. 6.
- ³³ Там же. Л. 7.
- ³⁴ Там же. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Л. 8.
- ³⁶ Там же. Л. 11.

- ³⁷ Там же. Л. 9–10.
³⁸ Там же. Л. 45.
³⁹ Там же. Д. 379. Л. 5.
⁴⁰ Там же. Д. 30. Л. 11.
⁴¹ Там же. Л. 34.
⁴² Волков О. В. Погружение во тьму. Из пережитого. М., 1989. С. 177.
⁴³ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 425. Л. 1–2.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ История сталинского ГУЛАГА. Т. 5: Спецпереселенцы. С. 43–45.
⁴⁶ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 947. Л. 176.
⁴⁷ Коротав В. И. Демографические проблемы... С. 169.
⁴⁸ История сталинского ГУЛАГА конец 1920х — первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. / Отв. ред. и сост. Н. В. Петров. М., 2004. С. 70.
⁴⁹ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.
⁵⁰ Там же. Д. 947. Л. 47.
⁵¹ Там же. Д. 377. Л. 5.
⁵² Там же. Д. 1172. Л. 15. Д. 1472. Л. 70.
⁵³ Коротав В. И. Демографические проблемы... С. 171.
⁵⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 948. Л. 62.
⁵⁵ Подробнее о динамике численности: Коротав В. И. Демографические проблемы... С. 175.
⁵⁶ ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 379. Л. 49.
⁵⁷ Упадывшев Н. В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Архангельск, 2004. С. 19.
⁵⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930–1945: В 4 т. / Ред. В. П. Данилов и С. А. Красильников. Новосибирск, 1992–1996. Т. 2. С. 8.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколониации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. №3 (17). С. 93–104.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.306

УДК 94 (47).084.6

Аннотация: В настоящей статье на основе, главным образом, неопубликованных архивных документов, анализируется процесс спецколониации Северного края, осуществляемый за счет применения труда нескольких категорий спецконтингента (заключенных, административно-высланных и спецпереселенцев). Исторический анализ процесса спецколониации произведен сквозь призму истории краевого центра — Архангельска, первого порта Российского государства, который в 1929 г. становится столицей «всесоюзной лесопилки», «валютного цеха страны» — так был обозначен в официальных документах советской властью Северный край. Промышленность города и его портовая инфраструктура были ориентированы в основном на формирование золотовалютного резерва страны для нужд индустриализации. Ввиду хронического дефицита кадров, материальных и трудовых ресурсов, быстрое увеличение темпов промышленного производства, колонизация удаленных районов страны и индустриализация представлялись невозможными без экстренных мер контрактиции рабочей силы, в частности, использования труда значительных партий спецконтингента. В 1929 г. начинается процесс коллективизации, сопровождающийся высылкой на Север первых партий спецпереселенцев, ставших основной рабочей силой в лесопильной промышленности края, и, наряду с другими категориями спецконтингента (в особенности ссыльными специалистами), создавших условия для увеличения промышленного производства и индустриализации СССР. Львиная доля спецконтингента транспортировалась на Север через следственную и пересыльную тюрьму Архангельска. В статье анализируется процесс транспортировки, особенности проживания в городе спецконтингента, дальнейшее его использование в промышленно-строительстве, на транспорте, а также эффективность данных мер.

Ключевые слова: индустриализация, спецколониализация, спецконтингент, административно-высланные, спецпереселенцы, заключенные, Северный край.

Сведения об авторе: преподаватель истории, филиал Северного Арктического федерального университета (г. Северодвинск, Россия); lisavett@yandex.ru

FOR CITATION

Khatanzeiskaya E. V. Arkhangelsk in the System of special Colonization of Northern Region in 1929–1936, *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 93–104.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.306

Abstract: The article is based mostly on unpublished documents of archives. The aim of this article is to present the issues of special colonization of Northern region. Special colonization was carried out according to the request upon cheap work force — different categories of special contingent (special immigrants, deported peasants, prisoners, persons, exiled from the bigger cities due to the administrative reasons). Most part of the displaced persons, nations and social groups was transported through Arkhangelsk — the oldest port and important transport hub on the European North. Since 1929 Arkhangelsk was recognized as a centre of Northern region, which was in higher priority within industrialization due to large amounts of wood export operations. Most part of gold and currency acquired from the wood export was allocated to the industrialization. The deportation process, the everyday life and involvement of special colonists into the industry of Soviet European North during existence of Northern Region (1929–1936) are also presented in the article.

Keywords: industrialization, special colonization, special contingent, deportation, special immigrants, prisoners, administrative-exiled, Northern Region.

Author: lecturer, Northern (Arctic) Federal University by named after M. V. Lomonosov, (Severodvinsk, Russia); lisavett@yandex.ru

References:

- 1 Dallin D. J., Nikolaevskiy B. I. *Forced Labor in Soviet Russia* (London, 1948).
- 2 Dallin D. J., Breslauer G. W. *Political Terror in Communist Systems* (Stanford, 1970).
- 3 Conquest R. *Harvest of Sorrow: Soviet collectivization and the Terror-Famine* (Oxford, 1986).
- 4 Conquest R. *The Great Terror Stalin's Purges of the Thirties* (New York, 1968).
- 5 Powell R. 'Plan Execution and the Workability of the Soviet Planning', *Journal of Comparative Economics*, 1977, Vol. 1, no. 1.
- 6 Gregory Paul R. *The Political Economy of Stalinism Evidence from the Soviet Archives* (Cambridge, 2004).
- 7 *Istoriya stalinskogo GULAGA: konec 1920kh — 1950kh. Sbornik dokumentov v 7 t.* (Moscow, 2004).
- 8 Korotaev V. I. *Demograficheskie problemy i opyt ih resheniya na Russkom Severe — Severnom krae v vtoroj polovine XIX — pervoj tretej XX vv.* (Arkhangelsk, 2014).
- 9 Shubin S. I., Smirnova M. A., Trofimenko V. G. *Severnyj kraj (1929–1936) v istorii Rossii* (Arkhangelsk, 2009).
- 10 Upadyshev N. V. *GULAG na Evropejskom Severe Rossii: genezis, evolyuciya, raspad* (Arkhangelsk, 2007).
- 11 Volkov O. V. *Pogruzhenie vo tmu. Iz perezhitogo* (Moscow, 1989).
- 12 *Specpereselenecy v Zapadnoj Sibiri, 1930–1945*, Eds. V. P. Danilov, S. A. Krasilnikov, 4 volumes (Novosibirsk, 1992–1996).